

Александр Убе

Четвертый мир Текатос

16+

Александр Иве
Четвертый лик Гекаты

«ЛитРес: Самиздат»

2010

Иве А.

Четвертый лик Гекаты / А. Иве — «ЛитРес: Самиздат», 2010

Древние мистерии, тайные знания, колдовские чары. Подземелья, наполненные ужасом и страхом. Повесть переносит читателя в Элладу, где разворачиваются таинственные и драматические события, в которые вовлечены две подруги - знаменитая гетера Таис Афинская и врачевательница Елена с острова Кос.

© Иве А., 2010

© ЛитРес: Самиздат, 2010

Терминология

Тётис (от имени греческой богини моря Тефиды (греч. Τηθύς, Tethys)) – древний океан, существовавший в эпоху мезозоя между древними континентами Гондвана и Лавразия.

Эйкумена – населённая человеком часть земли

Тюхе (Тихе, Тихэ [греч.](#) Τύχη, «случайность», то, что выпало по жребию) – в [греческой мифологии](#) божество случая.

«Корпус Гиппократата» трактаты по медицине знаменитого врача Древней Греции

Гиппократата и его коллег

Alma Mater– учебное заведение

Дактил – греч. daktylos палец

Талант (греч. τάλαντον, лат. talentum) – единица массы, использовавшаяся в античные времена. Во времена Александра Великого вес аттического таланта равнялся 25,902 кг.

Мина – единица массы, использовавшаяся в античные времена. В классический период Древней Греции 1 афинская мина = 436,6 граммов

Морфей – бог сновидений в Древней Греции

Клепсидра – водяные часы

Агора ([др.-греч.](#) ἀγορά) – рыночная площадь в [древнегреческих полисах](#), являвшаяся местом общегражданских собраний (которые также по месту проведения назывались агорами). На площади, обычно располагавшейся в центре города, находились главный городской рынок.

Пальпировать – прощупывать, ощупывать. Пальпация – метод исследования в медицине с помощью рук.

Памяти И.А.Е.

Подходил к концу последний месяц лета боэдромион. Весь день теплое средиземное море лениво выносило на берег упругие волны, лаская прибрежный песок. Ближе к вечеру небо заволокло свинцовыми тучами, а невесть откуда появившейся холодный пронизывающий северо-восточный ветер растревожил тихую морскую гладь, и теперь на берег с грохотом, не переставая, обрушивались огромные водяные валы, наполненные исполинской силой и мощью. Вместе с усиливающимся ветром, стала сгущаться тьма, унося в царство Аида и Персефоны последние всполохи быстро гаснущего дня. Штормовое небо плотным покрывалом накрыла звезды и даже луналикая Селена не смогла пробиться сквозь эту хмурую пелену. Еще миг – и бушующим морем, и засыпающей сушей завладела безжалостная темная богиня ночи – Никта.

У самой воды, нисколько не страшась разбушевавшейся стихии, стояла молодая женщина, одетая в прозрачный хитон из легкой, тончайшей материи серебристого цвета, едва прикрывающий статную фигуру. Ее красивое, хорошо вылепленное тело можно было назвать стройным, если бы не сильно выпирающий живот, свидетельствующий о последних сроках беременности. Широко расставленные серые глаза женщины обычно с озорным блеском, были тусклы, безжизненны и подернуты пеленой печали. Над переносом залегла морщинка то ли тревожного ожидания, то ли невеселого раздумья, потухший взор, наполненный тоской и покорностью судьбе, был устремлен вдаль, к линии горизонта, где дикое, свинцовое небо сливалось с мрачным, беснующимся морем.

Таис Афинская – известнейшая гетера Аттики, а теперь вот уже год жена могучего полководца Птолемея, друга и сподвижника великого Александра Македонского, завоевавшего полмира, отпустила своих рабов на празднество, посвященное богу Дионису, поэтому никто не мог нарушить ее тревожного и скорбного уединения. Могучей рекой неслись тяжелые мысли, наполняя душу тоской о несбыточном. Все эти голы в ее душе был только он – бесконечно любимый и единственный Александр, ушедший за горизонт в бескрайние дали Эйкумены.

Таис вышла замуж за сподвижника великого полководца Птолемея нисколько не любя его, руководствуясь принципом гетер «не тот, так этот», потеряв всякую надежду на то, что любимый позовет её. Он не позвал... , хотя тоже любил её безмерно: женское сердце всегда это

чувствует. Несколько лет назад великий Александр хотел жениться на ней, но неуёмная тяга к войне, безумное желание завоевать весь мир, превратили его в опасного и жестокого убийцу, в сердце которого не осталось места простым человеческим чувствам. Умом прекрасная гетера понимала, что никогда им не быть вместе, но душа рвалась к нему – единственному и родному. Всепрощающее, нежное девичье сердце сжималось от невыносимой тоски и безысходности из-за невозможности быть рядом с любимым, променявшим её светлое чувство на жестокую мужскую забаву – войну.

Три месяца назад до Таис дошла страшная весть – великий македонец болен и находится на смертном одре. Эта известие буквально подкосило молодую женщину, она заперлась в доме, полностью прекратив общение с внешним миром, почти все время, проводя в постели. Сильное волнение сказалось на ее здоровье: от пережитого нервного напряжения, отсутствия движения у Таис задерживались роды, она перенашивала, что могло вызвать серьезные проблемы. Неумолимой чередой бежали дни, а писем все не было. Эта мучительная неизвестность, тяжким грузом лежавшая на её душе, вызвала мучительные страдания. Когда тоска становилось особенно сильной и невыносимой, молодая женщина, преодолев себя, вставала с постели и шла к бесконечно любимому морю. Вот и теперь близость Тетис немного успокоила растревоженную афинянку, а свежий морской воздух вернул бодрость.

Пора было возвращаться в дом – погода резко менялась: словно предчувствуя несчастье, злобно завыл ветер, загустел воздух, непроглядная тьма накрыла плотным черным пологом печальный берег. В ожидании грозы бесновалось море. Огромные водяные воли то и дело обрушивались на беззащитный берег, разбиваясь о прибрежные камни. Внезапно стало светло, как днем, окружающий мир озарился яркой вспышкой, и тот час по небу прокатился неимоверной силы грохот, как будто сотни тысяч колесниц в едином порыве пронеслись по равнине. Таис поехала, сквозь тонкую ткань хитона пробилась леденящая стужа. Внезапно тонкий слух женщины уловил шуршание гальки, чьи – то легкие шаги решили нарушить ее уединение.

– Хайре! (радуйся) афинянка! – тяжелый ночной воздух завибрировал от звонкого голоса молодой женщины. – Я принесла тебе теплый плащ, и хорошие вести, поклонница Тетис. Надвигается сильный шторм, свидание с морем в такую погоду не безопасно для тебя. Таис узнала голос близкой подруги и радостно откликнулась на зов. Больше трех месяцев они не виделись, по каким-то неотложным делам Елена была вынуждена уехать на остров Крит. Два года назад несчастный случай с одной из рабынь гетеры свел их вместе. У ее беременной служанки Агнодики возникло серьезное женское расстройство, которое буквально свалило ее с ног. Никакие снадобья не помогали. Афинские врачи – мужчины не имели право лечить беременных, поэтому оказать помощь было не кому. Когда несчастная впала в забытие, Таис решила на отчаянный шаг – она вызвала доктора мужчину. С великими предосторожностями он был введен в дом и допущен к пациентке. В течение нескольких дней врачеватель тайно пользовал заболевшую женщину. Во время очередного посещения врача тишину дома внезапно нарушил громкий визгливый крик занемогшей рабыни: «Помогите, помогите! Он осквернил, он меня осквернил. Это мужчина». На призыв несчастной Агнодики сбежались все домочадцы. Войдя в комнату, Таис застала молчаливо стоявшего врача, и рабыню, которая сидела в постели и буквально метала громы и молнии. «Это мужчина, он дотрагивался до меня!» – безумолку выкрикивала расстроенная женщина.

Грубый, властный окрик гетеры с трудом утихомирил рабыню. Таис была в замешательстве, она действительно нарушила устоявшиеся афинские традиции, пригласив в дом мужчину – врача пусть и из благих побуждений. Если все это откроется, ей будут грозить серьезные неприятности, несмотря на её значимость в обществе. Видя, что обстановка серьезно накалилась, доктор стал... раздеваться. Все недоуменно застыли, замороженные необычностью происходящего. Упали на пол искусно изготовленная меховая накидка и плащ специального покроя. Затем наступил черед кожаного корсета, который туго стягивал грудь незнакомца. После этого

стало преображаться лицо: свалилась под ноги густая борода таинственного гостя, которую он безжалостно сорвал со своего лица, туда же полетела густая шевелюра волос, которую ему – еле удалось стащить с головы – парик был искусно сделан и тщательно закреплен. Перед озадаченными зрителями предстала молодая, красивая девушка с удивительными голубыми глазами, длинными ресницами и ежиком коротких волос на голове. Возглас удивления вырвался у присутствующих. Быстрее всех опомнилась Агнодика, поднявшись с постели, она принялась со слезами на глазах просить прощения и благодарить врача за спасение жизни.

Удивленная и озадаченная Таис, провела молодую женщину в соседнюю комнату, чтобы извиниться и поблагодарить за исцеление своей рабыни. Любопытство буквально распирало знаменитую гетеру, но она, руководствуясь тактом и женским чутьем, не посмела расспросить незнакомку.

– Через три дня из Персии возвращается мой друг Птолемей, возможно с ним будет и великий Александр. В их честь я устраиваю большое празднество – симпозион. Буду рада Вас там видеть, искусная незнакомка. Меня зовут Таис.

– Кто же не знает в Афинах, знаменитую гетеру, подругу Александра Македонского! Я Елена, с острова Кос. Спасибо за приглашение, я обязательно приду на праздник. Очень хочется увидеть покорителя мира и его соратников.

Так началась их дружба и вскоре гетера удовлетворила свое любопытство, узнав историю жизни подруги, ее необычную судьбу.

Долг и тернист был путь врачевательницы к признанию и мечте. Елена родилась на острове Кос, где находилось святилище Асклепия и знаменитая медицинская школа. Там обучались и практиковали лучшие врачи Аттики. Казалось, что сама судьба Тихе уготовила Елене участь целителя: ее отец – знаменитый Герофил был великим врачом и оставил после себя труды, которые вошли в «Корпус Гиппократата» Еще, будучи ребенком, она помогала отцу готовить лечебные снадобья и выхаживать больных. Видя такое рвение, Герофил всячески отговаривал дочь от глупых мечтаний и надежд – женщинам было строжайше запрещено заниматься врачеванием, кроме помощи роженицам, к которым мужчины не допускались. Но безумная мечта стала явью. Двенадцати лет отроду Елена ушла из дома, и долго скиталась по всей Элладе. В шестнадцать лет худенькая, тонкокостная девчушка, превратилась в нескладного долговязого парня с копной густых, но коротких волос на голове. Чтобы попасть в святилище Асклепия и медицинскую школу ей пришлось состричь свои длинные прекрасные волосы (это считалось величайшим позором для девушки), надеть мужскую одежду, изменить голос и походку. Неимоверным трудом на протяжении многих лет ей удавалось сохранить инкогнито и блестяще окончить медицинскую академию на острове Кос. В том же мужском одеянии она стала практиковать в Афинах, пока случай не привел ее в дом Таис.

О том, что произошло в доме знаменитой гетеры, вскоре узнали все Афины. Разгневанные мужчины – доктора обратились в суд с требованием запретить женщине врачевать. Уже был подготовлен соответствующий вердикт, но на защиту Елены встало все женское население города-полиса и правосудие свершилось, разрешив ей официально заниматься медицинской практикой.

Чуть больше года назад Таис Афинская стала женой военного стратега Птолемея и вот теперь должен появиться на свет их ребенок. С первых месяцев беременности Елена всячески опекала свою подругу: давала советы, учила как себя вести, готовила к предстоящим родам. Огромные медицинские познания врачевательницы уберегли будущую мать от многих необдуманных шагов. Вот и сейчас подруга появилась как нельзя кстати. Несмотря на тренированное и закаленное тело, ледяной ветер сделал свое дело – Таис замерзла. То ли от переживаний, то ли от холода ее стал бить озноб. Закутавшись в теплый плащ, так своевременно принесенный подругой, женщина почувствовала себя лучше.

– И тебе, привет, афинская целительница! Я скучала без тебя и очень рада твоему возвращению. Пойдем скорее в дом, я замерзла, к тому же мне очень хочется услышать рассказ о твоём путешествии.

Таис провела гостью в комнату, зажгла лампы. Женщины обнялись, потом с взаимным интересом стали разглядывать друг друга. Первой не выдержала Таис:

– Великая Афродита, ты, наконец, влюбилась Елена! Этот озорной взгляд с бесятами в зрачках не спутать ни с чем. Неужели свершилось? Кто он?

– Ты как всегда права, афинянка. Он также как и я – врач. Но об этом потом. Сначала о радостном! Через моих друзей я получила известие, что Александр жив и у него вновь грандиозные планы – готовится очередной большой поход. Перед новой военной компанией он дал отпуск своим военным начальникам, поэтому Птолемей скоро будет здесь.

– А ты опять думала о невозможном? – сурово произнесла Елена. – Несбывшиеся мечты, как отравленные стрелы ранят душу и ведут к гибели тело, черная птица печали разъедает беспощадно человека изнутри, каленым железом выжигает сердце. Ты неважно выглядишь, к тому же начался одиннадцатый лунный месяц беременности – тебе пора рожать, а признаков нет. Я шла к тебе с надеждой увидеть первенца Птолемея, по моим подсчетам это должно было свершиться три седмицы назад. Не думала, что у прекрасной Таис, отличной танцовщицы, с фигурой Афродиты, возможны запоздалые роды. Всему виной твое настроение! Зажги побольше ламп, я осматриваю тебя.

После того как афинянка разделась, Елена приступила к обследованию беременной.

– Что–то не так? – от Таис не укрылось напряжение в лице врача.

– Завтра мы идем в храм Асклепия, к Тисандру, я ему доверяю. Если он подтвердит...

– Но беременным запрещено туда входить, чтобы не осквернить лик бога. Не думаю, что для меня сделают исключение! – с напряжением в голосе проговорила Таис. – Что случилось? Я серьезно больна?

– Я договарюсь с друзьями, и они проведут тебя тайно. Для них будет честью оказать услугу великой гетере, а теперь жене Птолемея, прекрасного стратега и ближайшего гетайра Александра. О твоём недуге поговорим завтра, после осмотра жреца. Я поняла, что ты не последовала моим советам, отдав себя на растерзание тревоге, тоске и бесплодным надеждам. Но и я виновата, мне не следовало уезжать так надолго. Счастье затмило разум. Завтра я расскажу тебе всё подробно, а сейчас пора спать, рано утром надо быть в Храме.

Пробуждение было тягостным, Таис долго не могла сбросить вязкие нити сна, тело было чужим и отказывало повиноваться. Ночь прошла тревожно, молодая женщина долго не могла уснуть, а когда погрузилась в царство морфея, там её поджидала беда. Женщине снилось, будто бредёт она по какой-то пыльной, грязной дороге между скалистых гор. Только что прошла песчаная буря, поэтому идти тяжело, босые ноги вязнут в песке, который, раскалившись на солнце, обжигает ступни, вызывая сильную боль. То и дело налетает жестокий ветер, который плотной стеной встает на её пути, мешая продвигаться вперед. Проходит время и сквозь завыванье ветра она слышит топот копыт, оглянувшись, Таис видит прекрасную всадницу, которая восседает на изумительном чистопородном жеребце белой масти. Незнакомка крепко держит в руке длинное копьё, которое через мгновение летит в несчастную гетеру. С ужасом несчастная афинянка узнает в наезднице богиню Ананке, которой подчиняются другие боги, олицетворяющую неотвратимую судьбу. Богиня, привстав на стременах, чтобы лучше увидеть кровавое зрелище, жутко осклаившись, взирает на обреченную женщину. Неземная красота богини блекнет, постепенно Ананке превращается в мерзкое чудовище с отвратительным сморщенным лицом, крючковатым носом и змеями вместо волос, которые противно извиваются и копошатся. Между тем, время замедлило свой бег и Таис с ужасом видит, как медленно, в беспощадной неотвратимости к её груди приближается смертоносное остриё. Обреченная на смерть женщина пытается отпрянуть, уклониться, но какая – то нечеловеческая сила не даёт сойти

с места. Все ближе и ближе смертоносное жало копья, страх затмевает рассудок, Таис делает последний рывок... и просыпается вся в обильном, холодном поту.

Воспоминания о страшном сне прервал тихий всплеск воды, клепсидра показывала четыре утра. С большим трудом, встав с постели и окончательно поборов сонное оцепенение, молодая женщина начала готовиться к посещению храма.

Святылище Асклепия, куда отправились женщины, было расположено на самой окраине Афин, на вершине огромного холма. На его обширной территории изящным полукругом раскинулись храмы в честь Гигиен, Артемиды, Афродиты, Фемиды и Аполлона. В самом центре громадного храмового комплекса расположился огромный жертвенник для приношений, мимо которого несмел, пройти ни один смертный, не сделав богатые пожертвования, чтобы умилостивить богов. Рядом с дворцом для приношений высилось круглое здание – святылище бога Гермеса, в подземельях которого находились бассейны, питаемые источниками минеральной воды, обладающей целебным действием. Афинское святылище Асклепия возникло сто лет назад, когда после опустошительной чумы оно было перенесено из города Эпидавр. По своей красоте и величелию афинские дворцы Асклепия нисколько не уступали своему предшественнику ни в размерах, ни в количестве храмов и дополнительных сооружений. На землях святылища в Афинах также были выстроены баня, библиотека, гимнасий, стадион и театр. Сотни лет на храмовом холме росла огромная кипарисовая роща, поэтому при строительстве было принято решение сохранить эту дивную природную красоту. Вся территория святылища буквально утопала в деревьях, то тут, то там встречались укромные места, где путник находил отдохновение, философ – островок уединения, а больной человек, вдохнув целебный воздух, обретал здоровье и бодрость духа. От храма к храму вели дорожки, выложенные брусчаткой, вблизи которых с завидным постоянством возвышались статуи, изображающие богов, памятники, воздвигнутые в честь врачей, достигших славы, стелы, на которых были высечены тексты, повествующие об удачном исцелении. Величие и красота царили на всей территории, но только одно не позволялось в святылище – чтобы не оскорбить святыню, там нельзя было умереть или родить ребенка... Все нечистое, связанное с рождением и смертью нещадно удалялось из храма, бдительные стражи зорко следившие за установленным порядком нещадно изгоняли беременных женщин и неизлечимых больных, пришедших из самых удаленных мест Аттики, чтобы просить исцеления и благополучного разрешения от бремени. Каждый, кому было дозволено пересечь границы святылища, обязан был совершить омовение в водах священного источника, после чего принести жертву богам.

Едва забрезжил рассвет, когда подруги остановились у маленькой калитки, ведущей к святылищу. Их уже ждали. К женщинам подошел седовласый старец, одетый в длинный белый балахон, спускающейся до самой земли.

«Хайре! – старик склонил голову в почтительном поклоне. Я рад приветствовать знаменитую гетеру и жену отважного полководца, покорившего полмира. Меня зовут Тисандр, я служу в храме Артемиды верховным жрецом. Традиции настолько сильны, что не позволяют даже старшим служителям нарушить обет и ввести в храм беременную женщину, поэтому я проведу вас тайной тропой. Сейчас я участвую в обряде энкомисиса, поэтому осмотрю тебя, афинянка, сразу по его окончании. Этот обряд несет исцеление страждущим, радость несчастным, отдохновение путешественникам. Я вижу на твоём лице, прекрасная госпожа, печать тревоги и волнения, ритуал поможет сбросить этот тяжелый груз. В помещении, где проводится священный обряд, есть потайная комната, предназначенная для особых гостей, я проведу вас туда. Никем незамеченные, вы увидите священнодействие и приобщитесь к великой тайне Асклепия.

Тихо ступая по влажной брусчатке, подруги медленно двинулись за стариком. Едва скрипнув, открылась калитка, пропустив подруг в удивительный мир, наполненный чудными запахами и удивительными растениями. Старик объяснил, что их путь лежит через закрытую

для посторонних территорию, где специально обученные жрецы выращивают лекарственные травы, из которых впоследствии изготавливаются всевозможные снадобья и эликсиры. Многие растения привезены из далеких миров чужеземцами, поэтому садоводам – служителям приходится прилагать невероятные усилия, чтобы все это росло и давало плоды. Многие травы и кустарники очень ядовиты, поэтому в саду нельзя находиться долго, служителям приходится часто меняться, чтобы не погибнуть.

Первые, несмелые лучи солнца, едва осветив странный питомник, заставили учащенно забиться сердце Таис – так удивительно было красиво вокруг. Воздух был наполнен сладковатым ароматом, но не приторным и густым, который встречался повсеместно, а тонким и нежным, с некоторым оттенком холодности, что так не свойственно южным растениям. Узкая тропинка петляла, открывая взору все новые и новые экземпляры трав и кустарников, необычных форм и размеров. Особенно сильно Таис поразил цветок, который был, пожалуй, самым высоким из всех обитателей дивного сада. Он возвышался над цветочным ковром, словно сторожевая башня над крепостным валом. Тонкий, изящно изогнутый стебель этого растения на всем протяжении был окружен множеством желто–оранжевых завитков, очень похожих на искусно уложенные локоны афинских модниц. Эти причудливые кольца, словно нежные девичьи руки, обвивали стебель, придавая ему колорит и изящество. Верхушку стебля венчал бутон, по форме напоминающий морскую раковину. Удивительна была его окраска – бутон переливался всеми цветами радуги, поэтому точно судить о его цвете было невозможно. Малейшая игра света и тени, время суток, погодные условия, даже угол зрения под которым бутон рассматривали – все это влияло на его цвет. Экзотический цветок был так необычен, что молодая женщина остановилась подле него, с восторгом и интересом наблюдая за превращениями. Видя неподдельный интерес гостьи, жрец подробно рассказал об удивительном растении:

«Это Тан-би-ол-хао или «цветок заката». Так назвал его нам чужестранец, который преподнес его в дар в благодарность за исцеление. Мы выращиваем его для удовольствия и радости. Для приготовления лекарств он не подходит. После окончания поры цветения, специально обученные люди, аккуратно срезают верхушку этого растения – раковину и помещают ее в темное, холодное место на восемь седмиц. Спустя восемь недель Тан-би-ол-хао, сохраняя свою волшебную окраску, приобретает еще более удивительные свойства – он поёт. Стоит задуть даже небольшому ветерку, в недрах раковины рождается удивительная мелодия, повторить которую не по силам даже Орфею. Эта песня живет всего одну седмицу, на восьмой день она смолкает, раковина тускнеет и растрескивается, оставляя после себя семя, способное дать жизнь только одному новому растению. У нас этот цветок единственный и он очень прихотлив. Чтобы его вырастить требуется много заботы, труда и постоянного внимания, поэтому мы не продаем и не дарим цветок заката даже царям. Насладиться музыкой и игрой красок Тан-би-ол-хао могут только избранные.

Пораженные рассказом старого жреца, молодые женщины двинулись дальше. Уже совсем рассвело, когда путники оказались у небольшой полированной стены, выложенной из мрамора. Стена отливала ровным красноватым цветом, и в ней не просматривалось даже намек на щель или отверстие. Таис очень удивилась, когда Тисандр, неуловимым движением заставил стену разделиться пополам, обнаружив потайной вход. С большим трудом Таис поднялась по очень крутой винтовой лестнице, с узкими маленькими ступеньками, на которых едва умещалась нога. Их долгое путешествие по храму окончилось возле небольшой дверцы, за которой оказалась маленькая комната, со сводчатым потолком. В стене, расположенной напротив двери, было выдолблено углубление, закрытое матерчатым пологом. В этой нише были тщательно замаскированы отверстия, закрытые сине-зеленым стеклом, через которые, тем не менее, хорошо просматривалась огромная длинная крытая галерея абатоне, вплотную примыкавшая к стене храма. Тисандр предупредил гостей, что они могут безбоязненно смотреть через эти оконца, из зала их никто не увидит благодаря особому свойству стекла.

«В этой комнате хорошая акустика, поэтому вы будете отчетливо слышать все происходящее в зале, – продолжил жрец свои объяснения. – Вы же можете спокойно общаться, вас никто не услышит. Я запру дверь во избежание недоразумений. По окончании ритуала я приду за вами.

После ухода Тисандра, подруги удобно расположились у смотровых ниш и затихли в ожидании таинственного обряда.

Огромный зал был полностью заполнен больными, жаждущими исцеления и праздными зеваками, ожидающими чудес и развлечений. Зрители сидели на деревянных скамьях, тесно прижавшись, друг к другу. Свободных мест не было, даже проходы были буквально завалены телами: кому не хватило места, вынужден был лежать, прислонившись к стене, так как стоять строго запрещалось. В зале стоял невообразимый гомон, в ожидании загадочного действия зрители безмолвку болтали, громко смеялись, беспрестанно вскакивали со своих мест, пытаясь разглядеть высокий помост, который был задрапирован тяжелой, отливающей багрянцем занавесью, от которой веяло таинственностью и страхом. В огромном помещении совсем не было окон, поэтому по всему залу ярко горели лампы, в которых нервно колыхались языки пламени, отбрасывая причудливые тени на серые глянцевые стены, еще более сгущая атмосферу таинственности, царившую в этом необычном месте. Внезапно все переменялось, застигнутые врасплох люди замолчали, пораженные происходящими изменениями. В зал вошли служители, как две капли воды похожие друг на друга, с наголо обритыми черепами, одетые в одинаковые черные туники с короткими рукавами. Странные посетители были подпоясаны широкими кожаными ремнями. У каждого жреца из-за пояса выглядывал длинный тонкий нож с обоюдоострым лезвием. Черные монахи шли плотной стеной, в молчаливом бесстрастии то и дело наступая на лежащих людей. Их застывшие лица не выражали никаких эмоций и больше походили на физиономии кукол – марионеток, которые после представления застыли в мертвом безразличии, тупо и бессмысленно смотря на окружающий мир. С пугающей неотвратимостью пробираясь вперед, пришельцы гасили все лампы, попадавшие на пути, пока не осталось несколько тускло горевших светильников, расположенных в непосредственной близости от возвышения. Погрузив зал в темноту, воины-жрецы, взявшись за руки, двумя плотными рядами окружили, все еще задрапированную сцену и молча застыли, устремив ничего не выражающие глаза в ту часть помещения, которая потонула во мраке. Едва потрясенные зрители оправались от вторжения грозных незнакомцев, как на них со всех сторон налетела, словно стая огромных птиц, нечеловеческая канонада звуков, которая больше походила на утробный рык диких животных, устроивших кровавые игрища на закате дня. Постепенно нестройная какофония звуков стала тише, превратившись в красивую мелодию. Музыка приобрела гармонию и стройность, дикие нечеловеческие вопли аккордов исчезли, их сменили более мягкие и гармоничные звуки. Постепенно мелодия приобрела стройность и ритмичность. За счет повторения одних и тех же аккордов музыкальный рисунок стал напоминать четкий ритм метронома, пунктуально отсчитывающего время.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.